

7 102
104
Вл. Львовъ.

САМОѢДЫ.

(ОЧЕРКЪ).

Издание четвертое.

Цѣна 15 коп.

Книги Вл. Львова по географіи Россіи.

Первое знакомство съ географіей Россіи. Уроки и хрестоматія. Изданіе третье. Съ 102 рис. и 14 картами. Цѣна 1 руб.

Сѣверный край Европейской Россіи. Географическій очеркъ для школы. Съ 40 рис. и картой Сѣвера. Цѣна 35 коп.

Новая земля, ея природа, животный міръ, промысла и населеніе. Съ 19 рис. и картой Новой Земли. 3-ье изданіе. Цѣна 30 коп.

Самоѣды. Очеркъ. Съ 9 рис. 4-ое изданіе. Цѣна 15 коп.

Русская Лапландія и русскіе лопари. Географическій и этнографическій очеркъ. 2-ое изданіе. Съ рисунками и картой Лапландіи. Цѣна 35 коп.

Съ нефтяномъ царствѣ. Очеркъ близлежащихъ нефтяныхъ промысловъ. Изданіе 4-ое. Съ 19 рис. Цѣна 15 коп.

Популярныя книги по естествознанію и географіи

изданія редакціи журнала „СЕМЬЯ и ШКОЛА“.

Москва, Гончарная ул., домъ № 17.

Покровительственная окраска животныхъ. Проф. И. Сушкинъ. Съ рисунками автора. Цѣна 35 коп.

Изъ жизни нашихъ птицъ. Три разсказа для дѣтей. Проф. В. И. Львова. Съ рисунками. Цѣна 35 коп.

Неаполитанскій акваріумъ. Ник. Колтуновъ. Съ рисунками художника Водкина и др. Цѣна 35 коп.

Помпеи. Очеркъ Константина Д. Съ 14 рис. въ текствѣ и отдельной картинкой въ краскахъ. Цѣна 35 коп.

Землетрясеніе въ Сициліи и Калабріи. Разсказъ очевидца Константина Д. Съ рисунками въ текствѣ и двумя отдельными картинками. Цѣна 35 коп.

Въ 21 милѣ отъ южнаго полюса. Путешествіе Шекельтона. Обработано для дѣтей М. И. Елоховой. Со многими рисунками. Цѣна 50 коп.

САМОѢДЫ *).

I.

Холодна, уныла и однообразна страна, гдѣ живутъ самоѣды... Долго-долго, цѣлыхъ девять мѣсяцевъ, стоитъ тамъ зима, и притомъ зима суровая, съ такими страшными морозами, о какихъ мы даже понятія не имѣемъ. Глубокій снѣгъ покрываетъ тогда землю; и вездѣ, куда ни взглянешь, виднѣтся бѣлая, гладкая равнина, широкая, точно нѣтъ ей конца. И тянется эта равнина верстъ на тысячу съ запада на востокъ и верстъ на пятьсотъ съ юга на сѣверъ.

Весной, когда солнце начнетъ пригрѣвать землю, весь снѣгъ быстро растаиваетъ. Точно земля передъ этимъ была покрыта бѣлой, гладкой скалтертью, и кто-то сразу взялъ да сдернулъ ее. Исчезъ снѣгъ, и точно какимъ-то волшебствомъ земля быстро принимаетъ совсѣмъ другой видъ. Кругомъ— все та же равнина. Но теперь среди нея виднѣются кое-гдѣ и небольшіе холмы и впадины, которыхъ раньше не замѣтно было подъ снѣгомъ. На огромныя пространства земля покрыта то зеленымъ мохомъ, то бѣлымъ лишайникомъ, то пестрыми коврами цвѣтовъ. Мѣстами попадаетъ мелкій кустарникъ, небольшія березки, ивы, можжевель-

---

*) Названіе „самоѣды“, древнее „самоядь“, происходитъ не отъ русскаго слова „самоѣденіе“, т.-е. людоедство, а по всей вѣроятности отъ „Самееднамъ“—названія, которое даютъ своей странѣ лопари, жившіе прежде нѣсколько восточнѣе, чѣмъ теперь.

никъ. Но крупныхъ деревьевъ среди нихъ не видно. Лишь по берегамъ рѣкъ, да на нѣкоторыхъ возвышенныхъ мѣстахъ растутъ небольшіе лѣсочки. Все остальное пространство совсѣмъ безлѣсно. Среди зелени всюду виднѣются, точно темныя пятна, открытыя болота, источники и маленькія озерца. Иногда сплошь на много верстъ идутъ моховыя болота. Попадаетя много рѣчекъ, рѣкъ и большихъ озеръ съ глубокой, но чистой и прозрачной водой.

Такова страна, населенная самоѣдами, или такъ называемая *тундра*, занимающая всю сѣверо-восточную окраину Архангельской губерніи.

Но что же это за народъ, способный жить въ тундрѣ? Какъ сумѣлъ онъ устроить тутъ свою жизнь? И какова его жизнь, какія радости и выгоды приносить она самоѣду, что онъ такъ сжился и не разстается съ этой холодной пустыней?

Среди тундры можно иногда замѣтить одинъ или нѣсколько круглыхъ палашей. Надъ верхушкой каждаго изъ нихъ вьется дымокъ. Возлѣ стоятъ сани, а нѣсколько дальше пасутся кругомъ олени. Вотъ и все, что имѣетъ самоѣдъ. Круглый палашъ—это его жилище. Олени—его домашнія животныя, которыя замѣняютъ ему лошадь и корову, и въ которыхъ заключается все его богатство. А вотъ и самъ самоѣдъ. Если теперь зима, его сразу выдаетъ его особенная странная одежда, вся сшитая изъ оленьихъ шкуръ, мѣхомъ наружу. Лѣтомъ самоѣдъ одѣтъ совершенно такъ же, какъ одѣвается русскій крестьянинъ: на немъ такая же ситцевая рубашка и ситцевыя шаровары. Но стоитъ взглянуть на его лицо и на его фигуру, чтобы сразу признать, что передъ нами не русскій, а человѣкъ иного племени.

Небольшого роста, съ смуглымъ, желтымъ, старообразнымъ лицомъ, съ маленькими и узкими глазами, съ черными жесткими волосами и рѣденькой щетинистой бородкой, самоѣдъ выглядываетъ какимъ-то страшилищемъ, въ особенности зимой, когда весь онъ съ головы до ногъ закутатъ въ звѣриныя шкуры. Но нужно познакомиться съ нимъ

Семья самоѣдовъ.

поближе, чтобы увидать, сколько въ этомъ дикарѣ добродушія, которое проглядываетъ сквозь его наружныя грубыя черты.

Самоѣдка зимою одѣта въ такую же мѣховую одежду, какъ и ея мужъ. Только ея одежда не такъ мѣшковаата и наряднѣе сшита. Самоѣдка нашиваетъ на нее красивые узоры изъ бѣлыхъ и черныхъ оленьихъ лапокъ, изъ разноцвѣтныхъ суконныхъ лоскутковъ и украшаетъ ее еще маленькими погремушками и бусами. И чѣмъ пестрѣе выходитъ ея нарядъ, тѣмъ онъ кажется ей красивѣе и лучше. Лѣтомъ многія самоѣдки носятъ русскіе сарафаны. Волосы онѣ заплетаютъ по-русски, въ двѣ косы, къ которымъ привѣшиваютъ красныя и желтыя лоскутки или ленты. Въ ушахъ носятъ серыги, на шеѣ бусы. Вообще самоѣдки, какъ и всѣ женщины, любятъ принарядиться.

Самоѣды народъ *кочевой*. Они не живутъ постоянно на одномъ мѣстѣ, а всю жизнь *кочуютъ* по тундрѣ, т. е. переѣзжаютъ съ одного мѣста на другое. Занимаются они рыболовствомъ, охотой на звѣрей и птицъ, но главное занятіе ихъ—*оленьеводство*.

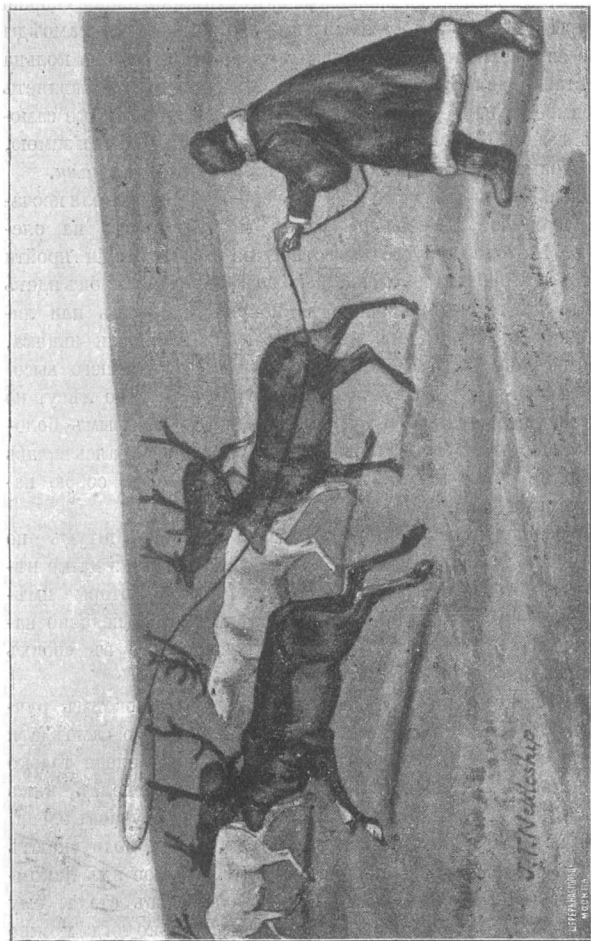
Въ тундрѣ водится особенная порода оленей, которые только и встрѣчаются въ холодныхъ сѣверныхъ странахъ и называются поэтому сѣверными оленями. Они бываютъ домашніе и дикіе! За дикими оленями самоѣды иногда охотятся ради ихъ мяса. Домашніе же олени составляютъ главный источникъ существованія самоѣда. Въ нихъ все его богатство,—весь интересъ его особенной кочевой жизни. Не будь оленей, тогда самоѣды и вовсе не могли бы существовать въ тундрѣ. Олени доставляютъ самоѣдамъ все самое необходимое для ихъ жизни. Изъ оленьихъ шкуръ самоѣдка шьетъ *малицу*, длинную одежду, имѣющую форму мѣшка съ рукавами и надѣваемую шерстью къ тѣлу, и *совикъ* такого же точно покроя, но надѣваемый поверхъ малицы и притомъ шерстью наружу. Изъ шкуры же оленей она шьетъ самоѣдскіе сапоги—*тиги*, обшивая ихъ для украшенія разноцвѣтными суконными лоскутами. Шьетъ она вмѣ-

сто питокъ крѣпкими волокнами изъ сухожилій оленя. Оленьи шкуры служатъ и постелями; ими же покрываютъ самоѣды свое зимнее жилище. Изъ оленьихъ роговъ дѣлаютъ кольца и вставки для оленьей упряжки. Мясо оленье составляетъ любимое кушанье самоѣда. Наконецъ, на оленяхъ же самоѣдъ ѣздитъ по тундрѣ, запрягая ихъ лѣтомъ, какъ и зимою, въ одни и тѣ же высокія сани, называемыя *нартами*.

Олень для самоѣда то же, что верблюдъ для жителя песчаной пустыни. Ѣздитъ по тундрѣ можно только на оленяхъ. Ни одно другое животное не въ состояніи пройти тамъ, гдѣ проходитъ олень. Ему не нужно дороги; онъ идетъ прямо не только по равнинѣ, покрытой мохомъ или лишайникомъ. Онъ идетъ и черезъ густыя заросли ивняка, подгибая его подъ себя и перетаскивая черезъ него высокія самоѣдскія сани. Онъ идетъ безъ дороги и по лѣсу, по аршиннымъ кочкамъ и буграмъ; идетъ по мокрымъ болотамъ, постоянно проваливаясь въ нихъ и перебираясь вплавь на болѣе сухое мѣсто, и при этомъ тащитъ за собою нагруженные сани.

У большинства самоѣдовъ оленей немного, штукъ по 30—50. Кто побогаче, тотъ держитъ сотню, двѣ и даже нѣсколько сотенъ. Встрѣчаются и такіе богачи, которые имѣютъ по 1000 и по 2000 оленей. Наконецъ, еще недавно называли одного самоѣда, который насчитывалъ въ своихъ стадахъ около 6000 оленей.

Домашній олень легко можетъ сдѣлаться совсѣмъ ручнымъ, до того, что подходитъ прямо къ жилью самоѣда и беретъ изъ его рукъ кормъ. Но обыкновенно олени только привыкаютъ къ человѣку, а не приручаются вполне, какъ у насъ коровы или лошади. Въ большинствѣ случаевъ олени, хотя и пасутся возлѣ жилья самоѣда, но не подпускаютъ его къ себѣ, даже если поднести имъ любимое ихъ лакомство—грибы. Чтобы поймать одного оленя изъ стада, ему на вѣтвистые рога набрасываютъ арканъ. Только тогда можно взять его за рога руками и вести куда надо. Когда же требуется поймать нѣсколько оленей для запряжки, самоѣды

Самоѣлъ, набрасывающій арканъ на рога оленя.

устраиваютъ кругъ изъ саней и веревокъ и, бѣгая за оленями и махая палками, стараются загнать въ этотъ кругъ возовыхъ оленей. Въ этомъ имъ помогаютъ ихъ умныя и приученныя собаки.

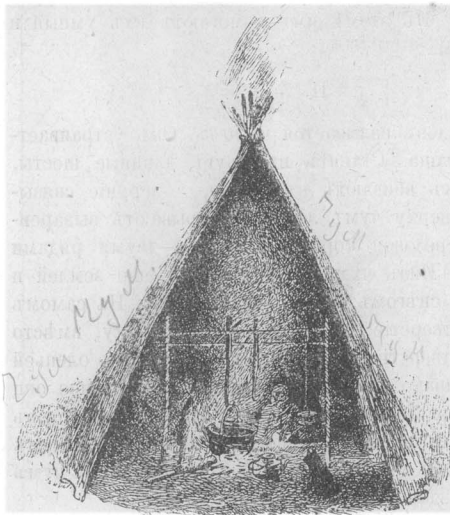
II.

Жилище самоѣдовъ называется *чумомъ*. Онъ устраивается въ родѣ шалаша. Ставятъ въ кругъ длинныя шесты, нижніе концы ихъ вбиваютъ въ землю, а верхніе связываютъ вмѣстѣ. Сверху чумъ лѣтомъ покрываютъ вываренной берестой (березовой корой), а зимой—двумя рядами оленьихъ шкуръ. Низъ чума обкладываютъ еще землей и мохомъ, а зимой снѣгомъ, чтобы было теплѣе. На самомъ верху остается отверстіе для выхода дыма. Сбоку, вмѣсто двери, дѣлаютъ отверстіе и завѣшиваютъ его также оленьей шкурой. Чумы бываютъ разной величины. Обыкновенно они ставятся на 20 или 25 шестахъ. Но у богатыхъ самоѣдовъ чумъ ставится и въ 40 или 50 шестовъ. Въ такомъ чумѣ можетъ помѣщаться человѣкъ 15—20. Хорошій зимній чумъ цѣнится довольно дорого, около 150 рублей.

Внутренность чума такъ же проста, какъ и его наружный видъ. На полу отъ сырости и холода настилаютъ березовыя прутья, а на нихъ кладутъ оленьи шкуры. По срединѣ чума кладется желѣзный листъ; на немъ разводятъ огонь. Надъ огнемъ на крючьяхъ висятъ котлы, въ которыхъ варится пища. Топливомъ служатъ мелкіе прутья ивняка, который почти всегда растетъ по берегамъ рѣчекъ. Такое топливо, конечно, больше дымить, чѣмъ грѣеть. По всему чуму постоянно стоитъ дымъ и ѣсть глаза. Дунетъ вѣтеръ сверху, и чумъ до того наполнится дымомъ, что непривычному человѣку ни дышать, ни глядѣть невозможно. Вслѣдствіе этого у самоѣдовъ часто болятъ глаза.

Живутъ самоѣды въ тѣсотѣ и грязи. Мужчины, если они дома, по большей части ничего не дѣлаютъ и молча сидятъ или лежатъ вокругъ огня, покуривая свои трубки. Тутъ же грѣются собаки, тутъ же возятся и грязныя, часто вовсе

голые ребятишки, хотя за стѣной, можетъ быть, стоитъ сильный морозъ, или бушуетъ снѣжная вьюга. Только жен-

Внутренность чума.

щины (*иньки*) постоянно за работой: или готовить обѣдь, или шьютъ оленью одежду, или сушатъ нитки изъ оленьихъ сухожилий, или, наконецъ, возятся съ маленькими дѣтьми.

Пища самоѣдовъ состоитъ изъ оленьяго мяса, рыбы, дикихъ птицъ. Лѣтомъ они ѣдятъ разныя ягоды, которыхъ множество растетъ въ

тундрѣ: бруснику, голубику, черную вороницу и желтую морошку, очень вкусную и любимую на сѣверѣ ягоду. Мясо ѣдятъ чуть обжаренное, а иногда и совсѣмъ сырое и мерзлое. Особенно любятъ они сырое, еще дымящееся мясо и теплую кровь только что убитаго оленя. Надо замѣтить, что то и другое спасаетъ самоѣдовъ отъ цыги, страшѣйшей болѣзни сѣвера. Другимъ лѣкарствомъ отъ цыги служить имъ морошка. Впрочемъ, оленину самоѣды ѣдятъ не особенно часто, а только при торжественныхъ случаяхъ, напр., когда хотятъ угостить гостя. Обыкновенно же они довольствуются рыбой или дичью. Хлѣба ѣдятъ очень мало и могутъ совсѣмъ обходиться безъ него. Всѣ самоѣды любятъ чай и въ настоящее время многіе пьютъ его постоянно. Въ чай иногда

кладутъ коровье масло, которое покупають у русскихъ. Своего масла у нихъ не бываетъ, такъ какъ оленей они никогда не доятъ.

Чтобы яснѣе представить себѣ домашнюю обстановку бѣднаго и богатаго самоѣда, приведемъ рассказъ одного путешественника, который проѣзжалъ по тундрѣ въ 1898 году. Изъ этого описанія мы увидимъ также, какой привѣтливостью и гостепріимствомъ отличаются самоѣды по отношенію къ заѣзжимъ къ нимъ русскимъ гостямъ.

«Проѣхавъ еще немного, — рассказываетъ путешественникъ, — мы увидѣли самоѣдскій чумъ. Возлѣ чума насъ встрѣтила высокая, стройная самоѣдка Ирина. Цвѣтъ лица у нея былъ очень смуглый, волосы длинные, прямые и черные, какъ вороново крыло. Она гостепріимно пригласила меня въ свой чумъ и указала мѣсто по лѣвую сторону огня. Натаскала дровъ и принялась кипятить огромный мѣдный чайникъ. Когда чайникъ вскипѣлъ, была подана внушительныхъ размѣровъ деревянная чашка оленьяго мерзлаго мяса — «обырдать», т. е. ѣсть сырымъ. Я сталъ ѣсть, запивая горячимъ чаемъ, который пахнулъ больше дымомъ, чѣмъ чаемъ. Чумъ былъ полонъ дымомъ и, чтобы не задохнуться, приходилось лежать совсѣмъ на землѣ, подперевъ голову немного рукою. Стѣнки чума всѣ были въ дырахъ, вслѣдствіе чего вѣтеръ гулялъ здѣсь почти такъ же свободно, какъ и на просторѣ тундры, и морозъ немного уступалъ, только когда горѣлъ подъ котлами огонь; въ другое время температура была совершенно та же, что и снаружи чума».

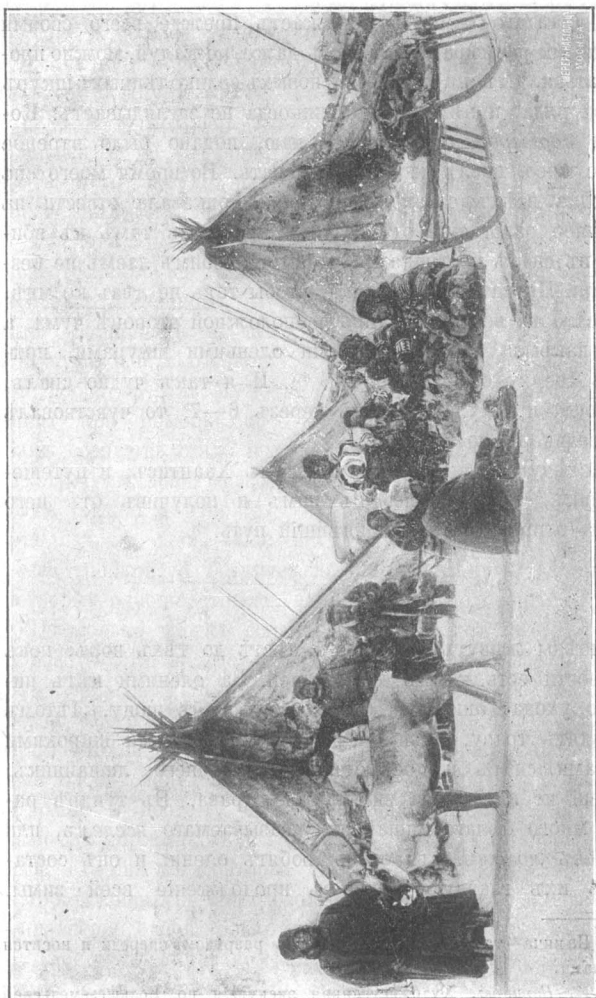
Тотъ же путешественникъ далѣе рассказываетъ, какъ онъ, нуждаясь въ оленяхъ для продолженія своего путешествія, отправился разыскивать чумы богатыхъ самоѣдовъ, у которыхъ были огромныя стада оленей.

«Мы попали въ чумъ самоѣда Сяско. Этотъ самоѣдъ богатъ, владѣетъ стадомъ въ 2500—3000 штукъ оленей. Онъ принялъ насъ очень ласково. Сейчасъ же мальчикъ-работникъ выбралъ сани, которыя похуже, и изрубилъ ихъ на

дрова. Потомъ развелъ огонь и началъ кипятить чайникъ. Подали чай съ полугодовымъ бѣлымъ хлѣбомъ и сырое оленье мясо. Выслушавъ меня, Сяско сказалъ, что онъ охотно далъ бы оленей, но дѣло въ томъ, что «мои олени очень плохи, не тѣльны и скоро устанутъ. Мы зимой-то попали на худое мѣсто, — не было моху, ну, вотъ они и исхудали». Посовѣтовалъ намъ поѣхать еще дальше, за 40 верстъ, къ самоѣду Хааптису, который также имѣетъ до 3000 оленей. «А ужъ въ крайнемъ случаѣ, если ты не найдешь Хааптиса, пріѣзжай ко мнѣ, — я дамъ». До Хааптиса доѣхать предложилъ намъ своихъ лучшихъ оленей. Проѣхавъ версты три отъ чума, мы попали въ огромное стадо быковъ-оленей Сяско. Казалось, что этому стаду не будетъ и конца; ужъ такъ оно было велико! Миновавъ стадо оленей, мы поѣхали по совершенно ровной тундрѣ... Долго мы ѣхали, но никакого признака, чтобы когда-либо бывалъ человѣкъ среди этой мертвой пустыни. Мы уже подумывали вернуться назадъ, но, наконецъ, замѣтили рѣдкую кучку оленей. Переѣхали рѣчку и поднялись на довольно порядочную возвышенность. Отсюда намъ показалось огромное стадо оленей Хааптиса. Оно паслось въ обширной впадинѣ: вотъ почему мы такъ долго и не видали его. Помимо того, что это, наконецъ, давало мнѣ возможность пріобрѣсти такъ долго разыскиваемыхъ оленей, картина и сама по себѣ была своеобразная и красивая. Широкая и волнистая тундра, устѣянная темными живыми пятнышками оленей, и безбрежный Ледовитый океанъ!»

«Пастухи Хааптиса сказали, что чумъ его не здѣсь, а вонъ туда дальше въ гору, верстъ за десять отсюда. Пріѣхали туда мы около трехъ часовъ пополудни. Всѣ спали. Работники разбудили хозяйку—жену Хааптиса. Самого его не было. По словамъ работниковъ, онъ уѣхалъ въ тундру за 30 верстъ, въ сосѣдній чумъ, такъ какъ туда пріѣхалъ торговецъ водкой.

«Жена Хааптиса оказалась очень чистоплотная особа и очень внимательная. Видя, что у меня отъ мороза не

Самоёды возлѣ своихъ чумовъ.

попадалъ зубъ на-зубъ, она пригласила сейчасъ же въ чумъ. Чумъ богатаго самоѣда поражаетъ прежде всего своими огромными размѣрами: въ немъ даже, пожалуй, можно прогуливаться. Стѣнки чума—изъ новыхъ великолѣпныхъ шкуръ въ два ряда, и вѣтеръ сюда никогда не заглядываетъ. Когда я *пообырдалъ* и напился чаю, подано было вареное оленье мясо, послѣ чего я легъ спать. Во время моего сна самоѣдка всѣхъ собакъ до единой приказала отвести на почтенное разстояніе отъ чума и привязать тамъ къ вбитымъ въ снѣгъ колышкамъ, чтобы тѣ своимъ лаемъ не беспокоили. Пятилѣтняго ребенка, чтобы тотъ не лѣзъ ко мнѣ, привязала на веревку на противоположной сторонѣ чума, а меня накрыла бѣлыми чистыми оленьими шкурами, прикрывъ сверху своей «паничей» *). И я такъ чудно спалъ, что когда проснулся, часовъ черезъ 6—7, то чувствовалъ себя великолѣпно **)

На слѣдующій день вернулся самъ Хааптисъ, и путешественникъ, сговорившись съ нимъ и получивъ отъ него оленей, отправился въ дальнѣйшій путь.

III.

Самоѣды живутъ на одномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока поблизости есть кормъ для оленей. За оленями нѣтъ никакого ухода; они сами отыскиваютъ себѣ пищу. Лѣтомъ они ѣдятъ траву, а зимой разгребаютъ своими широкими копытами снѣгъ и достаютъ изъ-подъ него лишайникъ, который не вянетъ на зиму, какъ трава. Въ тундрѣ растетъ много бѣлаго лишайника, называемаго *ягелемъ*, или *оленьимъ мохомъ*. Его очень любятъ олени, и онъ составляетъ ихъ главную пищу въ продолженіе всей зимы.

---

*) Панича—та же малица, только съ разрѣзомъ спереди и носятъ женщины.

**) А. Борисовъ. Художественная экскурсія по Большеземельской тундрѣ и на о. Вайгачъ. „Искусство и художественная промышленность“. 1899 г., № 6.

Животныя объѣдаютъ верхнюю пушистую часть ягеля и все больше и больше удаляются отъ чума. Зайдутъ они далеко, значить пора переѣзжать на другое мѣсто. Иначе не усмотришь за оленями и не увидишь, какъ кого-нибудь изъ нихъ зарѣжетъ волкъ.

И вотъ начинаются приготовленія къ перекочевкѣ. Женщины быстро разбираютъ на части чумъ и складываютъ все добро въ сани. Мужчины при помощи собакъ стогоняютъ стадо къ мѣсту чума, ловятъ возовыхъ оленей и запрягаютъ ихъ въ сани, чаще всего тройкой. А богатые, желая щегольнуть, запрягаютъ четверку одношерстныхъ, напр., бѣлыхъ оленей.

Ягель, или олений мохъ.

Нѣсколько троекъ соединяются въ одинъ поѣздъ такимъ образомъ, что каждая задняя тройка привязывается къ санямъ передней. Такимъ поѣздомъ, состоящимъ изъ 4—5 и болѣе троекъ, управляетъ одинъ самоѣдъ на саняхъ, запряженныхъ пятеркой оленей, изъ которыхъ крайній лѣвый олень, передовой, запрягается въ болѣе длинная постромки и поэтому выдается впередъ. Сидя въ саняхъ, самоѣдъ держитъ въ лѣвой рукѣ вожжу, а въ правой длинный, сажени въ полторы, шесть—*харей*, которымъ подгоняетъ лѣнниковъ. Передовой олень прекрасно подчиняется управленію одной только вожжей и ведетъ другихъ оленей.

Длиннымъ караваномъ тянется по тундрѣ самоѣдская семья и ея стадо. Дорогъ въ тундрѣ не существуетъ. Но, кочуя по ней всю жизнь, самоѣдъ прекрасно знаетъ ее, знаетъ въ ней каждое возвышеніе, каждое болото,

каждую рѣчку. Если онъ давно гдѣ-нибудь не бывалъ, то, чтобы опредѣлить мѣстность, онъ изрѣдка становится на свои сани, съ минуту всматривается въ даль, приложивъ къ глазамъ ладонь козырькомъ, и послѣ этого безошибочно ѣдетъ впередъ. Уже издали онъ сумѣетъ выбрать мѣсто, гдѣ удобнѣе поставить чумъ, гдѣ ближе вода и гдѣ больше корму для оленей.

Пріѣхавъ на новое мѣсто, самоѣды очень скоро устраиваются на немъ. Женщины тотчасъ принимаются за работу и въ какіе-нибудь полчаса уже успѣваютъ поставить чумъ. Олени разбредутся кругомъ—и опять начинается для самоѣдовъ прежняя жизнь. Обыкновенно нѣсколько самоѣдовъ соединяютъ вмѣстѣ свои стада. Они ставятъ рядомъ свои чумы и вмѣстѣ перекочевываютъ по тундрѣ, при чемъ общее стадо всѣхъ хозяевъ доходитъ до тысячи головъ. Богатые пасутъ свои стада отдѣльно и нанимаютъ работниковъ.

Трудное время наступаетъ для самоѣдовъ весной, когда телятся оленицы. Самоѣды пасутъ отдѣльно матокъ съ телятами и внимательно ухаживаютъ за ними. Интересную картину представляетъ оленье стадо съ маленькими пыжиками, которые весело бѣгаютъ вокругъ своихъ матерей и спокойно щиплютъ олений мохъ и едва только показавшуюся травку. Но маленькіе оленятки очень чувствительны къ холоду, и, несмотря на уходъ, постоянно масса ихъ гибнетъ отъ морозовъ.

Лѣтомъ самоѣды страдаютъ отъ оводовъ и комаровъ, которые тучами носятся въ воздухѣ, преслѣдуя и людей и оленей. Въ теплые іюльскіе дни комаровъ бываетъ такая масса, что кажется, будто какой-то паръ поднимается надъ землей. Чтобы защитить себя отъ ихъ укусовъ, самоѣды-пастухи надѣваютъ на голову сѣтки «накомарники», безъ которыхъ прямо нѣтъ возможности пасти оленей. Въ это жаркое время олени способны работать только ночью. Днемъ они не принимаютъ даже пищи и спасаются отъ комаровъ въ дыму костровъ, «дымокуровъ», которые нарочно для

Перекочевка самоёдовъ.

этой цѣли раскладываются самоѣдами. Бѣдные животныя до того тощуютъ и ослабѣваютъ, что тройка оленей лѣтомъ едва можетъ поднять пудовъ восемь клади. Время это опасно еще въ другомъ отношеніи: лѣтомъ на оленяхъ бываютъ болѣзни. Особенно страшна оленья холера или сибирская язва, такъ какъ она очень заразительна и уничтожаетъ цѣлыя стада. Къ счастью, холерные годы не очень часты, но зато въ такой годъ вся тундра бываетъ покрыта трупами

Оленья запряжка.

несчастныхъ оленей, и многіе самоѣды, раньше богатые оленями, теряютъ всѣ свои стада и становятся нищими.

Зимой, когда такъ тяжело приходится отъ страшныхъ мятелей и морозовъ, нѣкоторые самоѣды уходятъ со своими стадами въ лѣсную полосу, гдѣ вѣтры не такъ опасны и гдѣ легче добывать топливо. Напротивъ, лѣтомъ, когда появляется несмѣтное множество комаровъ, оводовъ и слѣпней, они выбираютъ въ открытую тундру, гдѣ частые вѣтры

нѣсколько ослабляютъ мученіе отъ этихъ насѣкомыхъ. Но такія большія передвиженія могутъ дѣлать только богатые самоѣды съ огромными стадами, въ которыхъ олени держатся дружныѣ и не такъ легко разбѣгаются отъ преслѣдующихъ ихъ насѣкомыхъ и хищныхъ звѣрей. Теперь, когда самоѣды сильно обѣднѣли, большинство изъ нихъ уже не дѣлаютъ такихъ большихъ перекочевокъ. Одни изъ нихъ остаются круглый годъ въ открытой тундрѣ, перекочевывая по временамъ къ берегамъ океана, гдѣ они занимаются морскими промыслами. Другіе держатся ближе къ лѣсной полосѣ и занимаются рыбной ловлей въ рѣкахъ и озерахъ, спасаясь отъ насѣкомыхъ въ дыму костровъ.

Кромѣ оленеводства и рыбной ловли, самоѣды занимаются также охотой. Зимой въ тундру изъ сосѣднихъ лѣсовъ забѣгаютъ разные пушные звѣри: лисицы, песцы, куницы, горностаи. Лѣтомъ къ многочисленнымъ озерамъ и рѣчкамъ тундры прилетаетъ множество всякой водяной птицы: гуси, лебеди, утки, чайки. Много также водится въ тундрѣ бѣлыхъ куропатокъ. За всѣми этими животными и птицами и охотятся самоѣды. Всѣ они отличные стрѣлки, хотя до сихъ поръ у нихъ въ употребленіи грубыя желѣзные ружья, которыя дѣлаютъ мѣстные русскіе кузнецы. Любимая охота ихъ—на дикаго оленя, «дикаря», къ которому самоѣдъ осторожно подкрадывается на лыжахъ, одѣтый въ бѣлое и защищенный бѣлымъ щитомъ отъ глазъ чуткаго животнаго. Въ птицу не стрѣляютъ на лету, а ждутъ, когда она сядетъ. Нѣкоторые самоѣды прикочевываютъ къ берегамъ Ледовитаго океана и тутъ охотятся на морскихъ звѣрей: моржей, тюленей, а также на бѣлыхъ медвѣдей (*ошкуевъ*), которые водятся и на самомъ берегу и встрѣчаются часто на плавающихъ льдинахъ, довольно далеко отъ берега.

IV.

По разсказамъ путешественниковъ, самоѣды отличаются многими симпатичными чертами. Постоянное добродушіе и готовность услужить чѣмъ-нибудь ближнему, а также

честность и вѣрность разъ данному слову—составляютъ всѣми признанныя ихъ качества. Часто упрекаютъ самоѣдовъ за ихъ слабость къ водкѣ и за грубое отношеніе къ женщинамъ. Женщина въ самоѣдской семьѣ занимаетъ будто бы приниженное положеніе. На ней лежитъ вся домашняя работа, а между тѣмъ мужъ обращается съ ней грубо. Женщины будто бы не смѣютъ садиться за обѣдъ вмѣстѣ съ мужчинами и ѣдятъ послѣ нихъ обѣдки. Но подобные рассказы о самоѣдахъ отчасти преувеличены; отчасти же то же самое встрѣчается и у всѣхъ вообще людей, стоящихъ на низкой ступени развитія, даже у живущихъ въ несравненно болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ самоѣды.

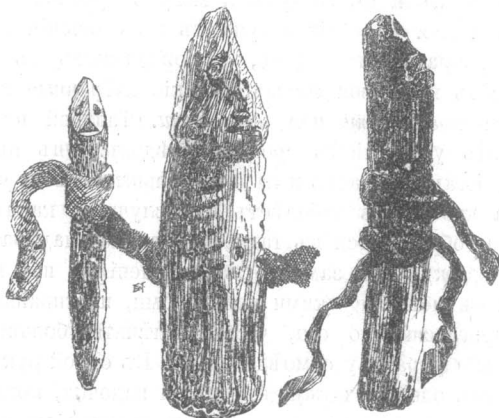
Напротивъ, нѣкоторые путешественники указываютъ на замѣчательную мягкость и добродушіе самоѣдовъ въ семьѣ. Они будто бы очень ласковы къ дѣтямъ и никогда не позволяютъ себѣ ихъ бить. Мальчику, когда онъ нѣсколько подрастетъ, даютъ въ руки небольшой арканчикъ, на которомъ онъ приучается ловить оленей, забрасывая его на собаку или молодыхъ телятъ-оленей. Дѣвочку же приучаютъ трепать оленьи сухожилья и скручивать изъ нихъ нити. Съ малыхъ лѣтъ она уже научается шить, сшивая изъ обрѣзковъ мѣховъ или изъ разноцвѣтнаго сукна наряды для своихъ куколъ. Случается, хотя пока и довольно рѣдко, что самоѣдскія дѣти попадаютъ въ школы и учатся здѣсь нѣсколько не хуже русскихъ, доказывая тѣмъ, что они народъ вполне способный къ развитію.

Въ настоящее время самоѣды официально считаются христианами; но на самомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ христианскими вѣрованіями у нихъ уцѣлѣло еще очень много старинныхъ вѣрованій и обрядовъ. Они почитаютъ Бога христианскаго, а изъ святыхъ въ особенности Николая Чудотворца, признавая ихъ за начало свѣтлое и доброе; но въ то же время они не могутъ отрѣшиться отъ своихъ прежнихъ божествъ, въ которыхъ видятъ злое начало, способное причинять имъ вредъ и требующее жертвъ. Собственно самоѣдскія вѣрованія заключаются вкратцѣ въ слѣдующемъ.

Существуетъ высшее божество — *Нумъ*, которое обитаетъ на небѣ и которымъ создано все въ мірѣ. За хорошую жизнь Нумъ даруетъ человѣку и оленей и лисицъ, и всякаго рода богатство, и удачу, а за дурную дѣлаетъ его бѣднымъ и несчастливымъ. Самоѣды не дѣлаютъ изображеній Нума на томъ основаніи, что никто никогда не видалъ его. Кромѣ Нума есть еще злое божество, — дѣволъ — *Аа*, котораго надо умилоstellять жертвами. Затѣмъ слѣдуютъ низшія божества или духи — *Тадебціи*, которые живутъ на землѣ и въ воздухѣ и могутъ причинять людямъ и добро и зло. Тадебціи вступаютъ въ сношенія съ нѣкоторыми избранными людьми, разговариваютъ съ ними и открываютъ имъ свои желанія. Такіе избранные люди называются *тадибеями* или *шаманами*. Тадибей пользуется огромнымъ уваженіемъ среди самоѣдовъ. Онъ приноситъ жертвы богамъ, гадаетъ и лѣчитъ больныхъ. Если въ семьѣ самоѣда кто-нибудь заболѣетъ или случится какая-нибудь пропажа, обращаются къ тадибею. Тадибей надѣваетъ особенную одежду изъ замши, съ украшеніями изъ краснаго сукна и съ металлическими привѣсками, и отправляется въ чумъ пригласившаго его, чтобы излѣчить больного или узнать, кто укралъ у самоѣда оленя. Въ одной рукѣ у него бубень изъ оленьей кожи, въ другой палочка, которой онъ ударяетъ по бубну. Прежде чѣмъ приступить къ самой церемоніи, тадибей подотрѣваетъ бубень на огнѣ, отчего кожа сильнѣе натягивается и звучитъ болѣе рѣзко. Сначала тихо, а потомъ все громче и громче ударяетъ онъ по бубну и самъ пляшетъ и напѣваетъ протяжно, пока не придетъ въ изступленное состояніе. Тогда онъ начинаетъ вслухъ разговаривать, какъ будто бы къ нему явились боги. А потомъ, придя въ себя, говоритъ, что боги открыли ему и что слѣдуетъ сдѣлать, чтобы больной выздоровѣлъ. Обыкновенно боги требуютъ себѣ какой-либо жертвы, при чемъ если она предназначается самому Нуму, то приносится въ жертву бѣлый олень, а другимъ богамъ достаточно бываетъ пожертвовать собаку. Животное, приносимое въ жертву, удавли-

вають или закалываютъ; отрубленную голову вѣшаютъ на колъ, а остальное мясо тутъ же сѣдается сырымъ. Вѣра въ тадибеевъ настолько сильна, что самоѣды не обвиняють ихъ, если больной, несмотря на ихъ лѣчение, все-таки умираетъ. Тадибей въ этомъ не виноватъ, потому что, значить, сами боги захотѣли смерти больного.

Такъ какъ тадебѣи могутъ быть видимы, по крайней мѣрѣ, для тадибеевъ, то самоѣды дѣлають ихъ изображенія, называемыя *хегами*. Эти хеги, или идолы, иногда имѣ-

Самоѣдскіе идолы.

ють подобіе человѣка; но въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою куски дерева или камни, заостренные внизу и срезанные косо вверху, гдѣ дѣлается грубое изображеніе глазъ, носа и рта. Бываютъ хеги домашніе; ихъ наряжаютъ въ суконныя и оленьи одежды и хранятъ въ особенныхъ санкахъ. Имъ не поклоняются, но въ извѣстныхъ случаяхъ приносятъ жертву, состоящую въ томъ, что имъ обмазываютъ рты свѣжей оленьей кровью. Кромѣ домашнихъ, есть еще хеги общіе, стоящіе въ особыхъ, всѣмъ извѣстныхъ мѣстахъ. Такіе хеги до сихъ поръ существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тундры и на островѣ Вайгачѣ.

Часто хегами служатъ простые камни и скалы, имѣющіе нѣкоторое подобіе человѣческой фигуры. Кромѣ того, самоѣды ставили деревянныхъ боговъ безъ одежды, которыхъ называютъ *сясеями*.

Уже упоминаемому нами путешественнику пришлось видѣть на островѣ Вайгачѣ главную самоѣдскую святыню.

«Я уговорилъ самоѣдовъ, — рассказываетъ онъ, — чтобы тѣ свозили меня въ горы и показали свою главную святыню. Самоѣды долго не соглашались, но въ концѣ-концовъ уступили моимъ просьбамъ и поѣхали. Нечего и говорить, что путь нашъ былъ очень труденъ; онъ шелъ по совершенно голымъ каменнымъ утесамъ или черезъ страшные овраги и рѣчки, забитые снѣгомъ... Не доѣзжая версты три до главной святыни, мы остановились, такъ сказать, у преддверія самоѣдской Мекки. Я опрометью бросился осматривать эти интересныя мѣста и наткнулся между двухъ скалъ на огромную грудку идоловъ. Она была такъ велика, что если бы потребовалось перевезти ее на другое мѣсто, пришлось бы положить на 30—40 воевъ. Кругомъ божествъ, въ особенности съ западной стороны, лежало множество оленьихъ череповъ съ рогами и череповъ бѣлаго медвѣдя. За нѣсколько шаговъ отъ нихъ попадались огромныя кучи топоровъ, ножей, пѣпей, обломковъ якорей, очевидно взятыхъ съ судовъ, потерпѣвшихъ аваріи, гарпуновъ, обломковъ отъ ружей и замковъ, пуль и проч., и проч. Сюда самоѣды ѣдутъ за тысячу верстъ, чтобы здѣсь, у подножія жилища властелина полярныхъ пустынь, удавить оленя и кровью его окропить святыню. Очень многіе наивно думаютъ, что

Самоѣдскіе идолы.

самоѣды теперь уже этого не дѣлаютъ; но они жестоко ошибаются: самоѣды такъ же чтутъ своихъ хеговъ и сядеевъ, какъ и въ былое далекое время. Свидѣтельствомъ этому служатъ глаза, уши и губы только что убитыхъ оленей и кровь, только что засохла на нѣкоторыхъ богахъ. Шагахъ въ двадцати валялись три оленьихъ желудка и недавно погасшіе священные костры *)».

Когда путешественникъ захотѣлъ взять нѣсколько идоловъ и разныхъ другихъ предметовъ, служившихъ жертвоприношеніями, проводникъ-самоѣдъ долго отговаривалъ его не трогать ничего и не гнѣвить страшныхъ боговъ. Но потомъ послѣ долгихъ уговариваній, когда путешественникъ пообѣщался взамѣнъ взятыхъ вещей пожертвовать богамъ цѣлую кучу порошнихъ флаконовъ изъ-подъ красокъ, битый стаканъ и серебряный гривенникъ, самоѣдъ позволилъ ему взять идоловъ и согласился везти ихъ на своихъ оленяхъ.

Послѣ того самоѣдъ сказалъ, что это еще не главная святыня. «Главная вонъ на той горѣ, за рѣчкой, около трехъ верстъ отсюда».

«Мы направились туда. Еще задолго до мѣста стали встрѣчаться груды топоровъ, ножей и прочее. Самые идолы лежали на двухъ высокихъ огромныхъ известняковыхъ столбахъ. Столбы эти отъ горы отдѣлялись расщелиной, шириной въ сажень, и на нихъ можно было попасть только благодаря тому, что надъ этой страшной расщелиной образовалось изъ камней что-то въ родѣ арки. Здѣсь божествъ и костей было меньше, и это меня поразило. Но самоѣдъ мнѣ пояснилъ, что здѣсь домашнихъ оленей давить нельзя. Здѣсь домъ бога, и сюда можно приносить только голову ошкуня (бѣлаго медвѣдя), да голову «дикаря» (дикаго оленя). А съ тѣхъ поръ, какъ много стало людей на Вайгачѣ, дикари перевелись,—ну, значить и ходить сюда нельзя. А тамъ, гдѣ мы были раньше, можно давить и домашнего оленя».

«Что внушило самоѣдамъ обоготворить это мѣсто?»—за-

---

*) А. Борисовъ. Художественная экскурсія по Большеземельской тундрѣ и на островъ Вайгачъ.

даетъ вопросъ тотъ же путешественникъ и отвѣчаетъ на него такъ:—«Вѣроятно, причудливыя формы грота отвѣсныхъ скалъ, вертикальные столбы, весь этотъ волшебный каменный лабиринтъ! Самоѣды привыкли къ ровнымъ обширнымъ пространствамъ тундры, и мѣсто это могло показаться имъ чѣмъ-то сверхъестественнымъ и невѣроятнымъ!».

Старинныя языческія вѣрованія особенно сохранились среди тѣхъ самоѣдовъ, которые кочуютъ въ глубинѣ тундры, далеко отъ русскихъ поселеній. Эти самоѣды только по имени считаются христіанами. Они, какъ говоритъ нашъ извѣстный писатель С. В. Максимовъ, «носятъ крестъ, чтобы показывать начальству, а за пазухой, на всякій случай, держатъ деревянныя чурочки боговъ». При кочевомъ образѣ жизни самоѣды не могутъ соблюдать всѣхъ обрядовъ православной церкви. Такъ какъ священника они видятъ рѣдко, то естественно не могутъ ни своевременно окрестить ребенка, ни похоронить покойника по православному обряду. Случается даже, что родители забываютъ имя, данное ихъ ребенку при крещеніи. Напр., рассказываютъ, что одинъ самоѣдскій мальчикъ долго назывался Степаномъ, пока, наконецъ, священникъ не разъяснилъ родителямъ, что сына ихъ зовутъ не Степаномъ, а Никитой.

Свадьбу самоѣды справляютъ сначала по стариннымъ обычаямъ, и только въ послѣдствіи, когда случай приведетъ въ церковь, вѣнчаются у алтаря.

Невѣсту себѣ самоѣдъ покупаетъ у ея отца. Онъ платитъ за нее оленями и дорогими мѣхами, больше или меньше, смотря по состоянію жениха и невѣсты. За невѣстой, въ свою очередь, дается приданое, состоящее также изъ оленей, затѣмъ изъ саней и чума. Самая свадьба происходитъ такъ. Родные жениха и невѣсты и гости собираются въ невѣстинъ чумъ. Начинается угощеніе; пьютъ водку и ѣдятъ сырую оленину. Иногда поются пѣсни, но некрасиво, въ носъ. Содержаніе этихъ пѣсней берется изъ самой обыкновенной жизни. Поютъ, напр., о томъ, кто сколько выпилъ вина,

или о томъ, какъ кто-нибудь съѣлъ за одинъ разъ семь сырыхъ рыбъ. Или запоетъ самоѣдь, какъ онъ запрягъ четырехъ бѣлыхъ оленей въ рядъ и поѣхалъ въ сосѣдній чумъ и увидалъ тамъ такую красавицу-самоѣдку, что «сердце пришлось ему къ юрлу, и онъ умъ потерялъ».

Послѣ пиршества невѣсту сажаютъ въ сани, покрываютъ ее одѣяломъ изъ разноцвѣтныхъ суконъ и какъ можно скорѣе обвозятъ сперва вокругъ чума отца ея, а потомъ три раза вокругъ женихова чума. А кругомъ стоятъ родственники жениха и гости и привѣтствуютъ ее радостными криками. Потомъ мать жениха подводитъ къ нему невѣсту, и, по самоѣдскому обычаю, она уже становится его женой. Этимъ и кончается вся свадебная церемонія.

Если въ чумѣ умереть кто-нибудь изъ самоѣдовъ, то чумъ ломаютъ въ томъ мѣстѣ, противъ котораго лежитъ покойникъ, и черезъ сдѣланное отверстіе выносятъ его. Умершаго одѣваютъ въ одежды, которыя онъ носилъ при жизни, и завертываютъ въ оленью шкуру. О смерти его даютъ знать роднымъ и ждутъ хоронить день или два. Когда соберутся родственники, покойника кладутъ въ сани, запряженные его любимыми оленями, и везутъ въ такое мѣсто тундры, гдѣ похоронены его близкіе. Въ могилу къ мужчинѣ кладутъ топоръ, ножъ, ружье, сани и другія вещи, которыми онъ пользовался при жизни. Къ женщинѣ кладутъ чашку, котелъ, иголки, наперстокъ и разныя другія хозяйственныя вещи. Всѣ эти вещи ломаютъ въ знакъ того, что на томъ свѣтѣ онѣ будутъ употребляться въ другомъ видѣ, чѣмъ здѣсь. Покойника кладутъ немного на бокъ, глазами на западъ, и тѣмъ какъ бы хотятъ показать, что «жизнь человека исчезаетъ за могилой, какъ солнце за небосклономъ». Надъ могилой убиваютъ оленя; мясо его отчасти тутъ же съѣдаютъ, а часть увозятъ съ собой. На могилѣ же оставляютъ только голову съ рогами.

Лѣтъ 50 тому назадъ у самоѣдовъ былъ обычай хоронить покойниковъ, не зарывая ихъ. Ихъ клали въ деревянные ящики, прикрывали санями и оставляли такъ въ

тундрѣ. Такія могилы съ саями можно изрѣдка встрѣтить и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тундры.

V.

Если бы человѣка, непривычнаго къ тундрѣ, заставили бы поселиться въ ней, онъ навѣрно не зналъ бы даже, какъ устроить ему здѣсь свою жизнь, онъ стосковался бы, онъ не могъ бы тутъ жить. Но самоѣды такъ свыклись съ своей тундрой и съ своими оленями, что неохотно мѣняють кочевую жизнь оленеводовъ на какую-либо иную жизнь. Самоѣдъ, если онъ имѣетъ достаточно оленей, вполне доволенъ своей судьбой; онъ не заботится о завтрашнемъ днѣ и не знаетъ тяжелаго труда нашего крестьянина. Но если онъ потеряетъ своихъ оленей, тогда онъ становится нищимъ и совершенно безпомощнымъ человѣкомъ. У него ничего больше нѣтъ, и ни къ чему онъ болѣе не привыкъ, какъ къ занятію оленеводствомъ. Такой бѣднякъ идетъ къ богатому самоѣду или зырянину, у котораго есть олени, и нанимается въ пастухи, чтобы только быть вмѣстѣ съ оленями, чтобы жить въ чумѣ, чтобы жить тою жизнью, къ которой онъ такъ привыкъ.

Нѣсколько яркихъ примѣровъ тому, до какой степени свыкъся самоѣдъ съ оленями и до чего привязанъ къ нимъ, приводитъ одинъ путешественникъ, проѣзжавшій по тундрѣ въ 1892 г.

«Однажды,—говоритъ онъ,—я разговаривалъ съ однимъ самоѣдомъ, который былъ когда-то богатымъ и сразу въ 1887 г. потерялъ 4.000 головъ оленей. Теперь онъ служилъ простымъ рабочимъ у русскаго. Когда рѣчь зашла объ оленяхъ, онъ только махнулъ рукой, отвернулся и ушелъ. Другой самоѣдъ, рассказывая мнѣ, какъ у него въ томъ же 1887 г. пало множество оленей, не выдержалъ и разрыдался».

Вотъ еще случай, рассказываемый тѣмъ же путешественникомъ. «Темной ночью 10 сентября мы стояли чумомъ на тундрѣ, верстахъ въ пяти къ югу отъ рѣки Волонги, гдѣ

самоѣды ловили рыбу. Вдругъ собаки наши тревожно за-лаяли, замѣтивъ какую-то фигуру, приближающуюся съ сѣвера. Оказалось, къ намъ шель съ Волонги безоленный самоѣдъ Соболевъ, съ единственной цѣлью побывать вмѣстѣ съ оленями, по которымъ онъ страшно соскучился. И для этого онъ нисколько не затруднился пройти темной ночью лѣшкомъ пять верстъ по трудно проходимой болотистой тундрѣ *)».

Между тѣмъ послѣднее время много стало такихъ безоленныхъ самоѣдовъ, которые, потерявъ свое единственное богатство, своихъ кормильцевъ оленей, должны или жить въ пастухахъ или просить милостыню. Много оленей у самоѣдовъ гибнетъ отъ сибирской язвы. Но, кромѣ того, несчастнымъ самоѣдамъ часто плохо приходится отъ ихъ сосѣдей и отъ русскихъ и еще болѣе отъ зырянъ. Русскіе и зырянскіе купцы пользуются простотой самоѣдовъ и обманываютъ ихъ. Несмотря на то, что закономъ строго запрещено ввозить въ тундру спиртные напитки, они провозятъ туда водку и спаиваютъ самоѣдовъ. Приѣмъ у нихъ довольно простой. Раздразнивъ аппетитъ сначала даровымъ угощеніемъ, они предлагаютъ слѣдующую бутылку купить, а такъ какъ у самоѣда денегъ почти не водится, онъ отдаетъ за бутылку водки дорогой мѣхъ, добытый имъ съ большимъ трудомъ. Тѣ же купцы привозятъ имъ разные другіе товары, наприм., хлѣбъ, сахаръ, чай, табакъ, и все это также идетъ въ обмѣнъ за мѣха, которые такимъ способомъ достаются торговцу въ нѣсколько разъ дешевле ихъ настоящей стоимости. Но, не довольствуясь этимъ, торговцы навязываютъ имъ еще въ долгъ и то, въ чемъ нѣтъ особенной надобности, наприм., лакомства, наряды и т. п. Они знаютъ, что самоѣды честны и что за ними ничто не пропадетъ. И вотъ самоѣды постепенно попадаютъ въ неоплатные долги у купцовъ, за которые выплачиваютъ имъ и мѣхами и рыбой, и, наконецъ, своими оленями.

---

*) Г. И. Танфильевъ. По тундрамъ Тиманскихъ самоѣдовъ лѣтомъ 1892 г., „Извѣстія И. Русск. Геогр. Общ.“ 1894 г. вып. I.

Теперь въ тундрѣ появились и русскіе и зыряне, владеющіе большими стадами оленей. Сами они не привыкли заниматься оленеводствомъ и нанимаютъ къ себѣ въ пастухи самоѣдовъ, которые и кочуютъ по тундрѣ съ чужими оленями.

Важно еще то, что ягель или олений мохъ, которымъ питаются олени, растетъ очень медленно. Тамъ, гдѣ онъ выѣденъ оленями и вытоптанъ, онъ нарастаетъ снова до своей нормальной высоты (вершка $2-2\frac{1}{2}$) приблизительно черезъ 25 лѣтъ. Самоѣды, зная это, берегутъ свою тундру. Лѣтомъ они стараются держаться въ болотистыхъ лугахъ, а мѣста, покрытыя ягелемъ, берегутъ на зиму, когда ягель—единственная пища оленей. Зыряне же нисколько не думаютъ о томъ, чтобы беречь тундру. Ихъ имущество заключается не въ однихъ оленяхъ, и оленеводствомъ они занимаются только ради выгоды, а не потому, чтобы любили это занятіе, какъ самоѣды. Правда, у нихъ оленеводство идетъ лучше и прибыльнѣе, чѣмъ у самоѣдовъ. Но они не жалѣютъ, вытаптываютъ тундру и истребляютъ ягель; они стѣсняютъ самоѣдовъ, отчего у самоѣдовъ оленеводство все падаетъ и падаетъ.

Это обѣднѣніе самоѣдовъ и стѣсненіе ихъ зырянами началось уже давно. Еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ одинъ писатель, изучившій бытъ самоѣдовъ, указывалъ на ихъ крайне бѣдственное положеніе. «Въ послѣднія пять лѣтъ,—говоритъ онъ,—нѣсколькимъ путешественникамъ пришлось посѣтить далекій нашъ сѣверъ, и именно ту часть, въ которой кочуютъ самоѣды. У всякаго былъ свой предметъ для наблюденія: кто, посреди скудной растительности, дѣлалъ изслѣдованія, обогатившія сѣверную флору; кто, по расположенію слоевъ минераловъ, заключалъ о давнихъ переворотахъ въ нѣдрахъ земли или, съ помощью звѣзды путевой, слѣдилъ за правильнымъ теченіемъ водъ и положеніемъ горъ по моховой той пустынѣ; кто, наконецъ, подмѣчая звуки тѣхъ племенъ, сравнивалъ ихъ съ своими родными и открывалъ въ нихъ много сходнаго, находилъ новые

матеріалы для лингвистики*) и исторіи народовъ, разбросанныхъ по обширному сѣверу; но никто изъ нихъ, даже посреди самыхъ увлекательныхъ занятій и наблюденій, не могъ не замѣтить бѣдности и униженія народа, которымъ былъ окруженъ, не могъ не внять жалобамъ его на пригнѣсенія въ теченіе болѣе полустолѣтія другимъ, сильнѣйшимъ племенемъ.—Желаю,—говорить онъ дальше,—чтобы описаніе мое возбудило хотя малое участіе къ горсти людей, которые подлинно достойны этого по жалкому своему положенію **).

То, что было сказано о самоѣдахъ 50 лѣтъ тому назадъ, можно сказать о нихъ и теперь. Большинство самоѣдовъ находится въ постоянной кабалѣ у зырянскихъ и русскихъ купцовъ, и имъ трудно освободиться отъ этой кабалы. Они сами нуждаются въ купцахъ, чтобы сбывать имъ разные продукты своихъ промысловъ. Самоѣды слишкомъ ужъ просты, мало въ нихъ предприимчивости и опытности въ торговыхъ дѣлахъ. Они привыкли работать на «хозяевъ», а не на себя. Самоѣдъ не рѣшается самъ везти продавать свой товаръ на ярмарку; онъ радъ, хотя бы и дешевле, продать его на мѣстѣ купцу. А потомъ онъ часто нанимается къ тому же купцу, чтобы отвозить этотъ товаръ туда, куда самъ по себѣ ѣхать не рѣшался. У самоѣдовъ есть на рѣкахъ свои мѣста рыбной ловли. И вотъ онъ продаетъ свое мѣсто русскому за безцѣнокъ, часто только за хлѣбъ и водку, а потомъ самъ же въ качествѣ работника ловить для него рыбу.

Потому-то самоѣды и живутъ въ такой бѣдности и униженіи. Оленеводство, рыбная ловля, охота и морскіе звѣриныя промыслы могли бы давать самоѣду не мало дохода. Но, благодаря самоѣдской простотѣ и неумѣнью вести свои дѣла, все это уходитъ отъ нихъ въ чужія руки.

Нѣкоторые самоѣды оставили совсѣмъ кочевую жизнь и

---

*) Лингвистика — наука, занимающаяся сравнительнымъ изученіемъ разныхъ языковъ.

**) *Иславинъ*. Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту.

стали жить осѣдло. Они имѣютъ лошадей, коровъ, овецъ и, гдѣ получше почва, сѣютъ ячмень.

Область, занимаемая самоѣдами въ Архангельской губерніи, дѣлится на три земли или тундры: *Большая земля*, или *Большеземельская тундра*—по правую сторону Печоры и до Уральскихъ горъ; *Малая*, или *Тиманская земля* (тундра),—по лѣвую сторону Печоры, и *Канинская земля* (тундра), занимающая полуостровъ *Канинъ*. По мѣсту же приписки для уплаты ясака (податей) всѣ самоѣды раздѣляются на *пустозерскихъ*, *устъ-цыльменскихъ*, *ижемскихъ* и *мезенскихъ* *). Кромѣ того, самоѣды живутъ на островахъ Ледовитаго океана: Вайгачѣ, Колгуевѣ и Новой Землѣ, а также по ту сторону Уральскихъ горъ, въ Сибири.

Въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ самоѣды управляются по своимъ обычаямъ и собственными старшинами, которые выбираются ими по одному на каждую тундру. По общимъ русскимъ законамъ они судятся только за самыя тяжкія преступленія.

Всѣхъ самоѣдовъ въ Европейской Россіи считаютъ около 7000 человекъ **). Изъ нихъ около 1500 осѣдлыхъ. Всѣ же прочіе—кочевники; они все такъ же кочуютъ по своей тундрѣ, какъ кочевали ихъ предки много-много лѣтъ тому назадъ.

Давно, неизвѣстно даже когда, пришли они сюда на крайній сѣверъ Россіи изъ другихъ, болѣе теплыхъ странъ. Они приручили оленя и съ его помощью сдѣлали возможной жизнь въ этой холодной пустынѣ. Надо думать, трудно имъ было сначала привыкать къ жизни въ тундрѣ; но постепенно, съ теченіемъ вѣковъ, они свыклись съ ней. Тундра окружаетъ самоѣда съ самаго ранняго его дѣтства, и притомъ одна только тундра. Она стала дорога для него, какъ каждому человѣку его родина.

---

*) Мезень и Пустозерскъ — города въ Архангельской губерніи. Последний, впрочемъ, носить только названіе городка, тогда какъ состоитъ всего лишь изъ десятка домовъ и церкви. Усть-Цыльма и Ижма—богатыя зырянскія села.

**) А. П. Энгелгардтъ. Русскій Сѣверъ.

Большинство самоѣдовъ и не стремится къ иной жизни и не добивается иного богатства, кромѣ оленей. Они хотятъ только одного, чтобы имъ оставили ихъ тундру, чтобы не выталпывали ихъ ягель, чтобы не отнимали у нихъ оленей, чтобы только не мѣшали имъ жить, какъ они привыкли жить. И бѣдный, безоленный самоѣдъ часто всю жизнь мечтаетъ о томъ счастливомъ времени, когда будутъ у него опять олени, и будетъ онъ снова кочевать по своей широкой, безпредѣльной тундрѣ, всю прелесть и поэзію которой можетъ понять только онъ одинъ—самоѣдъ.

„ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА“.

Изданіе для дѣтей школьнаго возраста.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ *Вл. Львова*.

Главный складъ при редакціи журнала „Семья и Школа“. Москва,
Гончарная улица, домъ № 17.

I. Разказы географическаго и этнографическаго содержанія.

- Котуко—эскимосскій мальчикъ.** Разказъ *Р. Киплингъ*. Съ 25 рисунками и со вступительной статьей объ эскимосахъ. Цѣна 15 к.
- Юдикъ.** Изъ жизни самоѣдовъ на Новой Землѣ. Разказъ *Е. Д. Носилова*. Съ 8 рис. Цѣна 15 к.
- Оцзи и Олесъ.** Разказъ изъ жизни лопарей. *В. Н. Харузиной*. Съ 5 рис. Цѣна 15 к.
- Въ горахъ Хингана.** (Изъ событій въ Манчжуріи въ 1900 г.). Разказъ *Е. Д. Носилова*. Съ 7 рис. Цѣна 10 к.
- Въ неволѣ у туркменъ и хивинцевъ.** Разказъ. Переводъ съ малороссійскаго. Съ 7 рис. Цѣна 10 коп.
- Пееръ и Ульфъ.** (Въ горной глуши Норвегіи). Разказъ *Бойсена*. Переводъ съ англійскаго. Съ 6 рис. Ц. 10 коп.
- Шамсиноръ.** Разказъ изъ жизни башкиръ. *Вл. Львова*. Съ 3 рис. художника *А. Н. Михайловскаго* и съ 8 фотографіями. Цѣна 20 к.
- Беркутъ Галей.** Разказъ изъ киргизской жизни. *П. Инфантьева*. Съ 4 рис. Цѣна 10 коп.
- Друзья.** Картинки изъ жизни словинскихъ дѣтей. *В. Н. Харузиной*. Съ 15 рис. Цѣна 15 коп.

II. Разказы разнаго содержанія.

- Въ бурю.** (Изъ жизни рыбаковъ). Разказъ *А. Серафимовича*. Съ 3 рис. художника *А. Н. Михайловскаго*. Цѣна 10 к.
- Фредъ.** Разказъ *Сергія Орловскаго*. Съ 2 рис. Цѣна 15 коп.
- Алека или Гдѣ же счастье?** Разказъ (съ французскаго). *М. В. Тилчессой*. Съ 4 рис. Цѣна 10 коп.
- Поль и Виржини.** Разказъ. По Бервардентъ де-Сентъ-Пьеру переложилъ *Т. Н. Львовъ*. Съ 25 рис. Цѣна 25 коп.
- Враги.** Разказъ изъ русско-японской войны. *П. Инфантьева*. Съ 2 рис. художника *М. Д. Езучевскаго*. 2-ое изданіе. Цѣна 10 к.

III. Сборники стихотвореній.

- „Русскимъ дѣтямъ“.** Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ для дѣтей младшаго возраста. (Печатается новое изданіе).
- Новые поэты.** Сборникъ избранныхъ стихотвореній современныхъ поэтовъ для дѣтей. Цѣна въ изящной обложкѣ 35 коп.
- Деревня.** Сборникъ стихотвореній. Со многими рисунками. Ц. 35 к.
- Маленькій кобзарь.** Избранныя стихотворенія *Т. Шевченко* на малороссійскомъ языкѣ и въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Съ рисунками и портретомъ *Шевченко*. Цѣна 12 коп.

IV. Естествознание и географія.

- Медвѣдь и медвѣжій промыселъ въ Россіи.** Очеркъ проф. *В. Н. Львова*. 3-ье изданіе. Съ 5 рис. Цѣна 15 коп.
- Бѣлка и бѣличій промыселъ.** Очеркъ проф. *В. Н. Львова*. 3-е изданіе. Съ 4 рис. Цѣна 10 коп.
- Куница и соболь.** Очеркъ *В. Н. Львова*. 2-ое изданіе. Съ 5 рис. Ц. 10 к.
- Какъ живутъ пчелы.** Очеркъ *В. Л. Львова*. Съ 13 рис. Цѣна 10 к.
- Каменный уголь, какъ его добываютъ и какъ онъ образовался.** *В. Л. Львова*. Изданіе 4-ое. Съ 18 рис. Цѣна 15 коп.
- Въ нефтяномъ царствѣ.** Очеркъ бакинскихъ нефтяныхъ промысловъ. *В. Л. Львова*. 4-ое изданіе. Съ 19 рис. Цѣна 15 коп.
- Соль и ея добываніе.** Очеркъ *В. Л. Львова*. Съ 7 рис. Цѣна 10 коп.
- Кометы и падающія звѣзды.** Очеркъ *В. Л. Львова*. 2-ое изданіе. Съ 14 рис. Цѣна 15 коп.
- Сѣверный край Европейской Россіи.** Географическій очеркъ для школъ. Съ 40 рис. и картой Сѣвера. Ц. 35 коп.
- Самоѣды.** Очеркъ *В. Л. Львова*. Изданіе 4-е. Съ 9 рис. Цѣна 15 коп.
- Новая Земля, ея природа, животный міръ, промыслы и населеніе.** *В. Л. Львова*. 3-ье изданіе. Съ 28 рис. и картой Новой Земли. Ц. 30 к.
- Русская Лапландія и русскіе лопари.** Очеркъ. *В. Л. Львова*. Второе изданіе. Съ рисунками и картой Лапландіи. Цѣна 35 к.

V. Исторія и біографіи замѣчательныхъ людей.

- Крѣпостное право и освобожденіе крестьянъ.** Историческій очеркъ. *М. Клоковой*. Съ 8 рисунками. Цѣна 15 коп.
- Н. В. Гоголь.** Біографическій очеркъ *Сергія Орловскаго*. Съ 14 рис. Цѣна 20 коп.
- И. С. Тургеневъ, его жизнь и труды.** *Сергія Орловскаго*. Съ рисунками и съ приложеніемъ избранныхъ стихотвореній въ прозѣ. Ц. 25 коп.
- А. С. Пушкинъ.** *Сергія Орловскаго*. (Печатается).
- Пѣвецъ Украины—Т. Г. Шевченко.** *М. Клоковой*. (Печатается).
- Ломоносовъ.** Очеркъ *А. Кизеветтера*. Съ 7 рис. Ц. 10 к.
- Святой докторъ. Жизнь и дѣятельность Ѳ. П. Гааза.** *М. Клоковой*. Съ рис. и портретомъ Ѳ. П. Гааза. Ц. 15 к.
- Король фабричныхъ дѣтей—Ричардъ Остлеръ.** Біографическій очеркъ *Е. Волковой*. Цѣна 12 коп.
- Авраамъ Линкольнъ, освободитель негровъ въ Америкѣ.** Біографическій очеркъ. *К. П—ко*. Съ 8 рисунками. Ц. 20 к.
- Іоганнъ Гутенбергъ, изобрѣтатель книгопечатанія.** *М. Клоковой*. Съ 17 рис. Цѣна 20 коп.
- Микель-Анджело.** *М. В. Архательской*. Съ 8 рис. Цѣна 20 коп.

VI. Разсказы историческаго содержанія.

- Принцъ-лѣнгаръ.** Историческій разсказъ изъ временъ Бориса Годунова. *Е. Волковой*. Цѣна 20 коп.
- Вѣрность до гроба.** Повѣсть изъ временъ Карла Великаго. *Феликса Дана*. Передѣлано для дѣтей. Цѣна 30 коп.

Главный складъ всѣхъ изданій „Школьной Библіотеки“ находится при редакціи журнала „Семья и Школа“ (Москва, Гончарная улица, домъ № 17).

Отдѣленія склада: книжный складъ „Провинція“ (Петербургъ), книжные магазины Н. Карбасникова (Москва, Петербургъ, Варшава, Вильна).